

ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ: ПИТАНИЕ СЕЛЬЧАН НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. П. МОТРЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
Уральский государственный аграрный университет
(620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, д. 42)

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Урал, крестьяне, колхоз, совхоз, трудовень, население, питание, голод, дистрофия, эпидемия, смертность.*

На основании введенных в научный оборот недоступных ранее для исследователей материалов изучено потребление сельчанами продовольственных товаров в годы Великой Отечественной войны. Делается вывод о значительном ухудшении питания колхозников из-за уменьшения натуральной оплаты трудодня и сокращения поступления продовольственных товаров промышленного изготовления. Основным продуктом питания сельчан в годы войны стали картофель и овощи. Больше стали потреблять и молочных продуктов. Особенно напряженно в деревне было с сахаром, поскольку большинство производящих его предприятий оказались на оккупированной территории. Несколько улучшилось питание только в 1945 г., когда увеличилось потребление масла, жиров, соли, сахара и, главное, хлеба. Анализируются многочисленные факты бедственного положения с продовольствием в уральской деревне, где господствовал голод и массовая дистрофия. Дается динамика потребления основных продуктов питания в военные годы. Приводятся данные о размерах смертности от дистрофии и септической ангины, случаях самоубийств на почве голода, каннибализма и трупоедства. Архивные материалы свидетельствуют о том, что несколько лучше, по сравнению с колхозниками, обстояло дело с питанием работников государственных сельскохозяйственных предприятий, поскольку они имели гарантированную заработную плату и получали по государственным ценам продукты. Большим подспорьем для работников совхозов было организованное в них общественное питание в столовых и на полевых станах. Орловское хозяйство не только удовлетворяло потребности общественного питания в овощах и животноводческой продукции, но и часто снабжало этой продукцией своих работников по льготным ценам. В связи с тем, что сельскохозяйственные продукты отпускались для столовых по себестоимости, питание в них обходилось недорогим. Таким образом, приводимые материалы позволяют более объективно и всесторонне исследовать различные аспекты жизни сельского населения Урала, показать, в каких тяжелых условиях находились сельские труженики «опорного края державы» в годы Великой Отечественной войны.

LIFE IN DISASTER: FEEDING OF VILLAGERS IN THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

V. P. MOTREVICH,
doctor of historical sciences, professor,
Ural State Agrarian University
(42 K. Liebknechta Str., 620075, Ekaterinburg)

***Keywords:** The great Patriotic war, the Urals, peasants, kolkhoz, sovkhov, workday, population, food, hunger, malnutrition, epidemic, mortality.*

On the basis of introduced into scientific circulation previously inaccessible for materials researchers the consumption of the villagers of food products in the years of The great Patriotic war studied. The conclusion about a significant deterioration in the nutrition of farmers because of the natural reduction of workdays payment and the decreasing flow of food products of industrial manufacturing is made. The staple food of the villagers during the war were the potatoes and vegetables. Began to consume more dairy products. Especially hard in the village was with the sugar, since most manufacturing of its enterprises appeared in the occupied territory. Some improvement in feeding came only in 1945, when consumption of oils, fats, salt, sugar and, most importantly, bread increased. Numerous facts of the disastrous food situation in the Ural village, dominated by the famine and mass degeneration analyzed. The dynamics of consumption of basic foodstuffs during the war is given. Data about the size of mortality from malnutrition and septic sore throats, cases of suicides due to hunger, cannibalism and corpse-eating provides. Archival materials indicate that somewhat better, compared with farmers, was a food of workers of state agricultural enterprises, because they had a guaranteed salary and received by the state price products. A great help for employees of state farms have been organized for them catering in canteens and at field camps. Orlovskoe farm not only meet the needs of public feeding in vegetables and livestock products, but also often supplied these products to their employees at discounted prices. Due to the fact that agricultural products were given to the canteens at cost, feeding was inexpensive. Thus, the materials allow more objectively and comprehensively study the various aspects of life of the rural population of the Urals, to show how difficult the conditions were for rural workers of “bearing area of the country” during The great Patriotic war.

Положительная рецензия представлена В. В. Запирием, доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой истории науки и техники Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Проблема потребления уральского крестьянства в условиях Великой Отечественной войны давно интересовала исследователей. В 1980-е гг. в разработке данной проблематики были достигнуты определенные успехи, что было следствием введения в научный оборот таких фундаментальных источников, как годовые отчеты сельхозпредприятий и бюджеты семей колхозников [1–3]. Однако за сухими колонками цифр плохо просматривалась реальная картина сельской действительности. В настоящее время введение в научный оборот недоступных ранее для исследователей материалов позволило всесторонне исследовать данную проблему [4–7].

С началом войны сокращение размеров колхозного производства и усиление налогового бремени не могло не сказаться на материальном положении советского крестьянства. В 1943 г. потребление колхозников в СССР снизилось по сравнению с 1939 г. по хлебопродуктам на 35,0 %, по мясу и салу – на 66,0 %. По картофелю оно увеличилось на 109,0 %, а по овощам – на 24,0 %. Потребление молочных продуктов осталось на довоенном уровне [8]. Данные табл. 1 показывают, что уже в 1942 г. в семьях колхозников сокращается потребление хлеба, мяса, масла, жиров, кондитерских изделий, рыбы. Большой редкостью были для крестьян фрукты. На одно наличное лицо в среднем приходилось 1,5–2,0 кг фруктов и ягод в год.

Резко сократилось поступление продовольственных товаров промышленного изготовления. Колхозники могли приобрести продовольственные и промышленные товары только через торговую сеть потребительской кооперации, так как к апрелю 1942 г. в городах и поселках была введена карточная система снабжения. Однако с началом войны розничная сеть Свердловского облпотребсоюза значительно сократилась. Если в 1940 г. в сельской местности насчи-

тывалось 2066 розничных торговых предприятий, то в 1945 г. – 1494. В них уменьшились рыночные фонды таких продовольственных товаров, как сахар, соль, кондитерские изделия, крупа. Тем не менее объем розничного товарооборота не сократился, а даже увеличился, что было связано с увеличением доходов от продажи водки. В 1940 г. доля водки и ликероводочных изделий в структуре розничного товарооборота составляла 18,4 %, а в 1945 г. – 52,7 %. При этом необходимо отметить, что увеличение доли водки в структуре розничного товарооборота связано с увеличением цен на алкогольные напитки. Что же касается потребления водки, то бюджеты колхозников показывают, что оно сократилось приблизительно в три раза [9].

Особенно напряженно в деревне было с сахаром. Большинство вырабатывающих его предприятий оказались на оккупированной территории. В 1940 г. расположенные там предприятия производили 87,0 % всего выпущенного советской промышленностью сахара. В результате по состоянию на 1 августа 1941 г. в 12 районах Свердловской области сахара не было, его потребление населением области снизилось в десятки раз. По данным крестьянских бюджетов 1943 г. по сравнению с 1940 г. потребление сахара снизилось в 33 раза [10]. Основным продуктом питания сельчан в годы войны стали картофель и овощи. Больше стали потреблять и молочных продуктов. Некоторое улучшение наступило только в 1945 г., когда увеличилось потребление масла, жиров, соли, сахара и, главное, хлеба.

В результате с началом войны уровень потребления крестьян заметно снизился, особенно в слабых хозяйствах. В докладной записке Буткинского райисполкома Свердловскому обкому партии отмечалось, что проведенное в мае 1943 г. обследование

Таблица 1
Потребление продуктов питания колхозниками Свердловской области (на душу населения, кг в год)

Продукты	Год				
	1941	1942	1943	1944	1945
Хлебобулочные изделия	208,6	164,4	104,4	85,8	121,4
Картофель	165,0	220,4	373,4	362,0	416,1
Овощи и бахчевые	60,0	41,8	85,3	87,3	94,5
Фрукты и ягоды	2,1	2,6	0,6	1,1	2,0
Мясо и мясопродукты	16,9	13,0	11,5	9,2	9,7
Молоко и молокопродукты	140,7	160,6	204,9	235,4	221,4
Яйца, шт.	63	51	45	26	31
Рыба и рыбопродукты	0,3	1,9	1,2	1,3	0,00
Сахар	0,1	1,5	0,06	0,03	0,2
Кондитерские изделия	0,5	2,8	0,4	0,2	0,2

Источник: ГАСО. Ф. 1813. Оп. Д. 457. Л. 62, 63, 66, 72, 73, 76, 77; Д. 513. Л. 56, 57, 60, 61, 80, 81, 82, 85, 86; Д. 514. Л. 57, 64, 65, 68, 69, 82, 83, 86, 87; Д. 515. Л. 73, 74, 78, 86 – 89; Д. 516. Л. 77, 78, 81, 82, 93, 94, 98; Д. 517. Л. 83 – 85, 90, 91, 94, 95.

Table 1
Food consumption of farmers of the Sverdlovsk region (per capita, kg per year)

Products	Year				
	1941	1942	1943	1944	1945
Bakery	208.6	164.4	104.4	85.8	121.4
Potato	165.0	220.4	373.4	362.0	416.1
Vegetables and melons	60.0	41.8	85.3	87.3	94.5
Fruits and berries	2.1	2.6	0.6	1.1	2.0
Meat and meat products	16.9	13.0	11.5	9.2	9.7
Milk and dairy products	140.7	160.6	204.9	235.4	221.4
Eggs, PCs	63	51	45	26	31
Fish and fishery products	0.3	1.9	1.2	1.3	0.00
Sugar	0.1	1.5	0.06	0.03	0.2
Confectionery	0.5	2.8	0.4	0.2	0.2

Source: State archive of the Sverdlovsk region. F. 1813. Inv. F. 457. L. 62, 63, 66, 72, 73, 76, 77; F. 513. L. 56, 57, 60, 61, 80, 81, 82, 85, 86; F. 514. L. 57, 64, 65, 68, 69, 82, 83, 86, 87; F. 515. L. 73, 74, 78, 86–89; F. 516. L. 77, 78, 81, 82, 93, 94, 98; D. 517. L. 83–85, 90, 91, 94, 95.

колхоза им. Ленина Красногорского сельсовета показало тяжелейшее положение большинства семей. Крестьянам не доставало одежды и обуви, у многих были голодные отеки. Не было хлеба и у колхозников сельхозартелей «Красный партизан», «Молодой передовик», «Ударник» и др. Колхозники ели лепешки из мякины, в кашу добавляли траву и кору [11]. В документах того времени отмечалось: «Жизнь в колхозе – один кошмар. Женщины мобилизованы неизвестно куда, дети брошены на произвол судьбы, хлеба нет и ждать его неоткуда. Все забирают на фронт. Вместе с людьми голодает и гибнет скот» [12]. Отсутствие нормального питания вызвало рост смертности. В Останкинском сельсовете Свердловской области в 1942 г. в колхозных детских садах от голода и болезней умерли 30 детей, в Коптеловской районе – 44 ребенка, в Монастырском – 22, в Бобровском – 18 [13].

О тяжелейшем положении с продовольствием в уральской деревне руководители областного масштаба неоднократно информировали высшее руководство страны. Так, в письме В. И. Недосекина и В. М. Андрианова секретарю ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову отмечалось, что в ряде районов области – Артинском, Буткинском, Верхне-Тавдинском, Манчажском, Сажинском – в результате засухи и ранних осенних заморозков 1944 г. получен низкий урожай. В результате колхозы не рассчитались по зерну с государством и очень мало выдали его по трудодням. В колхозах этих районов в настоящее время сложилось очень тяжелое положение с обеспечением хлебом колхозников, которым будет сложно справиться с предстоящими весенне-полевыми работами. В области не было возможности оказать им помощь, поэтому руководитель исполкома облсовета и секретарь обкома ВКП (б) просили разрешить выдачу одной тысячи тонн хлеба для снабжения остро нуждающихся колхозников [14].

Не лучше было материальное положение и в городах Свердловской области, где также господствовал голод. Голод военных и первых послевоенных лет в СССР долгое время оставался неисследованной темой в отечественной и зарубежной историографии. Факт голода официально не признавался советским руководством и советской исторической наукой, а источники по данной проблеме были недоступными для исследователей. В настоящее время факты массового голода в военные и послевоенные годы стали достоянием общественности. Так, по расчетам В. Ф. Зимы, в Советском Союзе только с 1946 г. по 1948 г. от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемий тифа, погибло около 2,0 млн человек [15].

Между тем голод 1946–1948 гг. стал продолжением голода военных лет. Во второй половине 1990-х гг.

в архивах РФ были рассекречены материалы, содержащие ранее неизвестные сведения о массовом голоде в СССР. Часть рассекреченных материалов о неудовлетворительном снабжении населения и голоде содержится и в Архиве УФСБ РФ по Свердловской области, что позволило ввести их в научный оборот [16–19]. Спецсообщения Управления НКГБ по Свердловской области за военные годы свидетельствуют о голоде, заболевании и смертности на почве дистрофии в г. Асбесте. Основной причиной смертности и заболевания населения дистрофией было отсутствие в достаточном количестве продуктов питания. Многие рабочие и служащие не имели дополнительных источников питания, помимо централизованного снабжения продуктами, которых остро не доставало. В документах отмечалось также, что выделяемые фонды централизованного продовольственного снабжения областными торговыми организациями отпускаются несвоевременно и зачастую полностью не отовариваются. Голод и массовая дистрофия приводили к тому, что на Среднем Урале нередкими были случаи убийства детей и самоубийства людей. В подготовленной Управлением НКГБ по Свердловской области докладной записке на имя секретаря Свердловского обкома ВКП (б) В. М. Андрианова сообщалось о том, что колхозница из с. Катышки Алапаевского района убила двух своих детей в возрасте пяти и двух лет, после чего покончила жизнь самоубийством. В документах указывалось, что за последнее время материально-бытовые условия данной семьи резко ухудшились: хлеба и картофеля она не имела. Помощи от местного сельсовета семья не получила, поскольку у нее были корова и дом [20].

Спецсообщения содержат также сведения о случаях каннибализма и трупоедства в эти годы. Чаще всего жертвами каннибализма становились дети. Так, в рабочем поселке Верхняя Пышма у одних родителей исчезла десятилетняя дочь. В результате следствия было установлено, что ребенок встретил в магазине соседку и попросил у нее кусок хлеба. Та позвала ребенка к себе домой, где обещала дать хлеба. Дома девочка была убита. Полученным человеческим мясом эта женщина кормила своих детей, а также продавала его на рынке. В документах отмечались и имевшие место случаи трупоедства. Проведенным расследованием в с. Черноусово Белоярского района было обнаружено, что одна из проживавших там семей занималась людоедством и продавала на рынке холодец из человеческого мяса. На допросе арестованные показали, что ночью они ходили на кладбище, разрывали могилы и срезали с трупов мясо. Приготовленный из этого мяса холодец употребляли в пищу, а также продавали на рынке. Вызванные голодом и выявленные органами НКВД факты людоед-

Таблица 2

Структура питания колхозников Урала в 1944 г. (по данным бюджетных обследований)

Республика, область	Хлебобулочные изделия	Картофель	Овощи	Мясо	Молоко	Яйцо
Башкирская	62	395	13	5,3	172	13
Молотовская	99	331	101	7,2	185	47
Чкаловская	82	261	90	11,1	217	26

Источник: Денисевич М. Н. *Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.)*. Екатеринбург, 1991.

Table 2

The structure of farmers of the Urals feeding in 1944 (according to budget surveys)

Republic, region	Bakery	Potato	Vegetables	Meat	Milk	Egg
Bashkir	62	395	13	5.3	172	13
Molotov	99	331	101	7.2	185	47
Chkalovsky	82	261	90	11.1	217	26

Source: Denisevich M. N. *Individual farms on the Urals (1930–1985)*. Ekaterinburg, 1991.

ства местными властями всячески скрывались. Так, обыск квартир указанных выше подозреваемых производился под видом обнаружения похищенных ими кур. Для предотвращения распространения панических слухов о голоде органам цензуры было дано указание о конфискации всех писем, содержащих описание этих и других случаев людоедства [21]. Заметно ухудшилось питание крестьян и в других областях Урала, особенно в Башкирии. Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что в 1944 г. тяжелее всего приходилось колхозникам в Башкирии. Потребление основных продуктов питания крестьянами, кроме картофеля, в башкирской деревне было значительно меньше по сравнению с соседними областями.

На основании изучения перехваченных военной цензурой писем сельчан на фронт Р. Р. Хисамутдинова приводит убийственные данные о перманентном голоде в Башкирии. Крестьяне писали своим призванным в армию родственникам о том, что питались они преимущественно травой, корой липы, желудями. Многие употребляли трупы павших животных, отмечались и случаи людоедства. В Мечетлинском районе Башкирии большинство семей фронтовиков распродали свое личное имущество. Люди остались без одежды и без обуви. Ели липовую муку, смолотую из высушенного липового кустарника. Обжигали и ели сыромятную кожу, мясо павших животных... Высокая детская смертность отмечалась в колхозах «Искра», им. Нуриманова, «Юлдус». В колхозе «Искра» из 50 семей в течение месяца умер 31 человек. Умерших не хоронили по 1–3 дня, трупы лежали в домах на нарах рядом с другими опухшими членами семей. Отдельные взрослые члены семей оставляли на произвол истощенных детей без продуктов и одежды, а сами уходили в другие районы в поисках продуктов. В апреле 1944 г. смертность в Башкирии составила 4958 человек, из них от септической ангины умерло 100 человек, от дистрофии и недоедания – 2462 человек. В мае умерло уже 15 201 человек, из них от септической ангины – 8945, дистрофии и недоедания – 1961 [22].

Аналогичные сведения об ужасающем положении в башкирской деревне приводит Н. В. Ахмадиева. По ее данным, неурожай 1943 г. вызвал сильнейший голод в юго-восточных и северо-восточных районах республики. На почве систематического недоедания в 14 районах БАССР имелись факты опухания людей и увеличения смертности от голода среди семей фронтовиков, эвакуированных и колхозников. В Матраевском районе в результате систематического недоедания опухли 672 человека, 18 человек умерло. В Мелеузовском районе было выявлено до 300 семей фронтовиков, в которых дети опухли на почве недоедания. В 32 колхозах Хайбуллинского района были также отмечены случаи опухания и смертности. Из-за отсутствия продуктов питания колхозники резали последний скот, употребляли в пищу мясо павшего скота, кошек и т. п. Тяжелое продовольственное положение наблюдалось в Белокатайском, Салаватском, Мечетлинском, Дуванском, Покровском, Бураевском и других районах республики. Другим страшным явлением в сельских районах в годы войны был рост числа заболеваний и смертности от септической ангины (лейкопении), вызванный употреблением в пищу перезимовавшего и проросшего зерна. Сельское население Башкирии было частично проинформировано о последствиях употребления в пищу отравленного зерна, однако число заболеваний лейкопенией из-за нехватки продовольствия в деревнях продолжало расти. В 1944 г. септическая ангина получила распространение в 58 из 62 сельских районов республики. В июне 24,7 тыс. человек заболели септической ангиной, из них 8,9 тыс. умерло, общее количество лейкопеников насчитывало 43,9 тыс. человек [4].

Несколько лучшим, но также крайне тяжелым было и материальное положение работников государственных сельскохозяйственных предприятий, поскольку они имели гарантированную заработную плату и получали по государственным ценам продукты. Это касалось как трудоспособных, так и нетрудоспособных членов семей. Постановлением от 29 июня 1944 г. № 791 СНК СССР были утверждены

нормы продажи продуктов работникам совхозов Наркомата совхозов СССР на каждого нетрудоспособного члена семьи [23]. Однако в жизни случалось повсюду. Так, в 1942 г. в зерносовхозе «Стерлитамакский» работали мобилизованные на сельскохозяйственные работы горожане. Всех их совхоз кормил за счет своих ресурсов, в результате весной 1943 г. в совхозе не осталось продуктов для обеспечения своих работников [24]. В ноябре 1943 г. согласно распоряжению Правительства были снижены нормы выдачи хлеба работникам конезаводов. При этом даже эти пайки вовремя не выдавались [25]. В условиях войны повысилось значение индивидуального хозяйства не только для колхозников, но и для работников совхозов. В связи с ухудшением материального положения работников Наркомат совхозов СССР установил, что вместо свиней работники совхозов могут держать овец (на одну семью теперь можно было держать трех овец вместо одной свиньи). В целом можно констатировать, что в годы войны индивидуальные хозяйства у советских граждан из «подсобных» часто превращались в основные.

Большим подспорьем для работников совхозов было и организованное в них общественное питание.

В 1941. Наркомат совхозов СССР возложил на директоров совхозов ответственность за организацию общественного питания работников совхозов в столовых и на полевых станах. Для этого по плановой себестоимости выделялась продукция собственного производства, причем она не подлежала обложению налогом. Совхозам для нужд общественного питания разрешили откармливать скот, а также выращивать овощи, крупяные и масличные культуры на специально отведенных для этого земельных участках площадью от 5 до 15 га [26]. Орсовское хозяйство не только удовлетворяло потребности общественного питания в овощах и животноводческой продукции, но и часто снабжало этой продукцией своих работников по льготным ценам. В связи с тем, что сельскохозяйственные продукты отпускались для столовых по себестоимости, питание в них обходилось недорого. Таким образом, содержащиеся в архивах и рассекреченные в последние годы материалы позволяют более объективно и всесторонне исследовать различные аспекты жизни сельского населения Урала, показать, в каких тяжелейших условиях находились труженики «опорного края державы» в военные годы.

Литература

1. Корнилов Г. Е., Мотревич В. П. Колхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1985.
2. Корнилов Г. Е. Материальное положение колхозников Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1987 гг.). Свердловск, 1988. С. 63–74.
3. Мотревич В. П. Материальное положение колхозного крестьянства Среднего Урала в период Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в период социализма. Свердловск, 1981. С. 45–66.
4. Ахмадиева Н. В. Крестьянская повседневность в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Башкирской АССР) // Вестник ВЭГУ. 2015. № 2. С. 98–104.
5. Корнилов Г. Е. Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941–1953) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 91–98.
6. Мотревич В. П. Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1993.
7. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война и повседневная жизнь сельского населения Чкаловской (Оренбургской) области // Вестник ОГПУ. 2011. № 1. С. 56–67.
8. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1977.
9. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 282. Оп. 2. Д. 800. Л. 247; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 513. Л. 10, 38; Д. 514. Л. 10, 37; Д. 517. Л. 85, 94.
10. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 457. Л. 24–27; Д. 515. Л. 2, 3, 34, 35, 77.
11. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5186. Л. 227–229.
12. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9379. Оп. 1. Д. 133. Л. 52.
13. Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991.
14. Колхозная жизнь на Урале 1935–1953 / сост.: Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М., 2006.
15. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
16. Мотревич В. П. Новые материалы о голоде на Среднем Урале в 1940-е гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2003. С. 93–95.
17. Мотревич В. П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 85–87.
18. Мотревич В. П. Документы архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области о голоде в годы Великой Отечественной войны // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 414–422.

19. Мотревич В. П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (по материалам архива УФСБ по Свердловской области) // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947). Київ, 2013. С. 107–112.
20. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 204. Л. 58, 58, 69, 70.
21. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. Л. 48, 63. Д. 204. Л. 136, 137.
22. Хисамутдинова Р. Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // «Гасырлар авазы – эхо веков». 2014. № 1/2.
23. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 1486. Л. 78.7
24. Российский государственный архив социально- политической истории (РГАСПИ). Ф. 349. Оп. 2. Д. 83. Л. 54.
25. РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 76. Л. 58.
26. Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928–1941. М., 1982.

References

1. Kornilov G. E., Motrevich V. P. Collective farm production in the Urals during The great Patriotic war. Sverdlovsk, 1985.
2. Kornilov G. E. Financial status of the farmers of the Urals during The great Patriotic war (1941–1945) // Material well-being of workers of the Ural Soviet countryside (1917–1987). Sverdlovsk, 1988. P. 63–74.
3. Motrevich V. P. Collective farm financial situation of the peasantry of the Middle Urals during The great Patriotic war // Living status of workers of the Urals in the period of socialism. Sverdlovsk, 1981. P. 45–66.
4. Akhmadieva N. V. Peasant life in the years of The great Patriotic war of 1941–1945 (on the materials of the Bashkir ASSR) // Bulletin of East Economic-legal Humanitarian Academy. 2015. № 2. P. 98–104.
5. Kornilov G. E. Poverty as a lifestyle: Ural village during the war and post-war years (1941–1953) // Ural historical journal. 2013. № 3. P. 91–98.
6. Motrevich V. P. Agriculture Urals in 1940-s : diss. ... dr. of hist. sciences. Ekaterinburg, 1993.
7. Khisamutdinova R. R. The Great Patriotic war and the daily life of the rural population of Chkalov (Orenburg) region // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. 2011. № 1. P. 56–67.
8. The Soviet Union during the great Patriotic war. 1941–1945. М., 1977.
9. State archive of the Sverdlovsk region (SASR). F. 282. Inv. 2. F. 800. L. 247; F. 1813. Inv. 1. F. 513. L. 10, 38; F. 514. L. 10, 37; F. 517. L. 85, 94.
10. SASR. F. 1813. Inv. 1. F. 457. L. 24–27; F. 515. L. 2, 3, 34, 35, 77.
11. SASR. F. 88. Inv. 1. F. 5186. L. 227–229.
12. Russian state archive of economy (RGAE). F. 9379. Inv. 1. D. 133. L. 52.
13. Denisevich M. N. Individual farms in the Urals (1930–1985). Ekaterinburg, 1991.
14. Farm life in the Urals 1935–1953 / compilers: H. Kessler, G. E. Kornilov. М., 2006.
15. Zima V. F. The famine in the USSR in 1946–1947: origins and consequences. М., 1996.
16. Motrevich V. P. New material on hunger in the Middle Urals in 1940 // Industrial Ural. Bakunin readings. Ekaterinburg, 2003. P. 93–95.
17. Motrevich V. P. Famine in the Middle Urals during the great Patriotic war // Urals in the military history of Russia: traditions and modernity. Ekaterinburg, 2003. P. 85–87.
18. Motrevich V. P. Documents of the archive of the FSS of Russia in Sverdlovsk region about the famine during the great Patriotic war // The Document. Archive. History. Present : coll. of scientific works. Vol. 5. Ekaterinburg, 2005. P. 414–422.
19. Motrevich V. P. Hunger in the Middle Urals during the great Patriotic war and the early postwar years (on materials of archive of the FSB in the Sverdlovsk region) // Hunger of the opposition did not come at first Polovin the twentieth century: the reasons for the results (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947). Kyiv, 2013. P. 107–112.
20. The archive of the UFSB on Sverdlovsk area. F. 1. Inv. 1. F. 204. L. 58, 58, 69, 70.
21. The archive of the UFSB on Sverdlovsk area. F. 1. Inv. 1. F. 163. L. 48, 63. F. 204. L. 136, 137.
22. Khisamutdinova R. R. Starvation in the Ural's village during the great Patriotic war // “Gasyrlar Avaza – the echo of centuries”. 2014. № 1/2.
23. RGAE. F. 7733. Inv. 29. F. 1486. L. 78.
24. Russian state archive of socio-political history (RSASPH). F. 349. Inv. 2. F. 83. L. 54.
25. RGAE. F. 7803. Inv. 7. F. 76. L. 58.
26. Zelenin I. E. State farms of the USSR during the prewar five-year plans, 1928–1941. М., 1982.